ОТВЕТЫ МИТРОПОЛИТА МИНСКОГО И БЕЛОРУССКОГО ФИЛАРЕТА НА ВОПРОСЫ РЕДКОЛЛЕГИИ «ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОГО ЕЖЕГОДНИКА»

Юбилей 1000-летия крещения Руси отмечается в нашей стране как событие большого значения. Как Вы могли бы сформулировать результаты этого тысячелетия, значимые не только для христиан, но и для народа в целом?

Общеизвестно, что христианская проповедь принесла Древней Руси литературу и просвещение, что принятие христианства в качестве официальной религии Древнерусского государства имело своим результатом не только политическое приобщение Руси к христианским народам Европы, но и унаследование ею традиций великой византийской культуры. Все это, безусловно, имело огромное значение для формирования исторического лица русской нации и того, что называют «духом народным».

Вообще, на мой взгляд, говоря об общезначимости традиций тысячелетней истории христианской Церкви в нашей стране, весьма трудно избежать общих мест. Вполне очевидно, что теоцентризм многих произведений русской классической литературы обусловил их исключительную духовность и напряженность в нравственном поиске. Всемирно признанным символом русской архитектуры является именно православный храм. Значительная, если не бóльшая часть наиболее замечательных произведений русской живописи посвящена христианской тематике, затрагивает проблемы нравственности, осмысляемой в свете идеалов, провозглашенных в Евангелии. Церковные песнопения — а в этой области пробовали свои силы многие выдающиеся композиторы — не оставляют равнодушными не только ревностных богомольцев, но и людей, далеких от Церкви.

Этот перечень можно продолжать. Но для меня как иерарха здесь важно отметить тот факт, что в наши дни приход в Церковь немалого числа людей, не имевших возможности получить религиозного воспитания, обусловлен их приобщением к сокровищам русского национального культурного наследия.

Согласны ли Вы с тем, что религиозный культ и светская культура в ряде случаев выступают против общего врага: зла, хаоса, бездуховности?

Основной задачей христианской Церкви является возвещение Благовестия о совершенном Господом нашим Иисусом Христом спасении человека от рабства греху и вечной погибели, а также сообщение уверовавшим в Него благодатных плодов этого спасения. Вся жизнь Церкви подчинена решению именно этой задачи. Конечно, литургия и связанный с ней культ имеют здесь особо важное значение. Однако жизнь Церкви ни в коем случае не ограничивается одним только религиозным культом. Равным образом далеко не все в ней может быть вписано и в рамки явлений культуры. Молитвенное общение души с Богом и жизнь по заповедям Христовым составляют как раз то «некрадомое сокровище», которое оказывается путем, открывающим даже для самых некнижных людей доступ к живому познанию самых высоких духовных истин, сокрытых подчас от «мудрых и разумных» (Мф. II, 25; Лк. 10, 21). Поэтому для Церкви в одинаковой степени дороги как молитвенное делание и добродетельная жизнь простецов, так и пытливость самых утонченных умов, благоговейно устремленных к познанию Истины.

Таким образом, понятие «церковная культура» оказывается уже понятием «духовный опыт Церкви». Христианская культура с точки зрения Церкви не является чем-то самодовлеющим. По-видимому, ее можно охарактеризовать, с одной стороны, как одно из выражений духовной жизни христиан, а с другой — как возможное средство возвещения Благовестия Христова.

В то же время, как мне кажется, определить задачи светской культуры значительно сложнее. Ответ на заданный Вами вопрос затрудняется еще и тем, что творцами светской (т. е. не имеющей специально религиозных задач) культуры нередко выступают члены Церкви, христиане. В секулярных кругах часто можно встретить ошибочное отождествление Церкви исключительно с духовенством. Не углубляясь в вопросы экклезиологии, следует заметить, что такой подход не соответствует истинному положению дел. Думаю, что решение поставленной Вами проблемы правильнее всего искать на путях осмысления исторического вклада христианской Церкви в созидание общечеловеческой культуры в самом широком спектре ее проявлений. Уверен, однако, что это осмысление должно нас привести к положительному ее разрешению. Что же касается конкретных форм церковного и светского сотрудничества в общем культурно-созидательном процессе, то они обусловливаются историческими обстоятельствами.

Думаю, что сейчас настало благоприятное время для развития сотрудничества между церковными учеными и специалистами из светских научных центров в деле изучения и популяризации векового духовного и культурного наследия нашей страны, имеющего, как выше отмечалось, христианский источник. Знакомство людей с сокровищами своей национальной культуры, с ее духовными истоками и хранимыми ею ценностями, несомненно, должно служить преодолению зла, хаоса и бездуховности.

Как Вы оцениваете итоги конференций, которые проводились у нас в последнее время при совместном участии богословов и светских ученых?

Очевидно, Вы имеете в виду проведенные Московским Патриархатом международные научные конференции, посвященные 1000-летию крещения Руси: по церковно-исторической проблематике (Киев, июль 1986 г.), по богословию и духовности Русской Православной Церкви (Москва, май 1987 г.) и по вопросам литургической жизни и церковного творчества Русского Православия (Ленинград, февраль 1988 г.). Как отрадный факт следует отметить, что в этих представительных ученых форумах принимали участие не только богословы, но и широкий круг светских специалистов в области истории русской культуры, представлявших известные отечественные и зарубежные научные центры. В ряде докладов на этих встречах были отражены результаты новейших серьезных исследований. И научные итоги конференций оказались достаточно значительными. Материалы будут опубликованы. Мы высоко оцениваем значение этих конференций, принимая во внимание наметившиеся на них перспективы сотрудничества ученых Советского Союза и других стран с научными учреждениями Московского Патриархата в деле всестороннего изучения русского национального культурного наследия в исторической ретроспективе.

Борьба за духовное здоровье общества, которая становится сейчас острее, чем раньше, требует объединения всех заинтересованных сил. Может ли Церковь участвовать в этой деятельности с таким же успехом, как в борьбе за мир? Есть ли для этого необходимые условия?

Исторический опыт нашей Церкви в деле формирования общественной нравственности со дней крещения Руси, несомненно, предполагает положительный ответ на Ваш вопрос. Церковь всегда располагала возможностями для духовного воспитания своих чад. Влияние же Церкви на людей, к ней не принадлежащих, во все времена зависело от конкретных исторических обстоятельств. Современные нравственные искания общества позволяют надеяться на то, что у Церкви появятся новые возможности для проявления социальной активности, что в конечном итоге будет отвечать насущным интересам всего нашего народа.

История философии как наука стремится сделать древнюю мудрость ближе к нам, к проблемам сегодняшнего дня. Не кажется ли Вам, что на этой почве возможен содержательный диалог богословов и философов?

На страницах «Историко-философского ежегодника» уместно сказать несколько слов о том, каковы результаты тысячелетней истории христианства в нашей стране для истории философии. Поскольку секуляризация общественного сознания начинает проявляться лишь с XVIII в., не удивительно, что бóльшую

часть обозримого тысячелетнего периода философией вообще и историей философии в частности занимались христиане. Христианская вера, христианское ви́дение мира и человеческой истории оказали исключительное влияние на характер их философских убеждений. Историк философии никогда не должен упускать из виду этот факт.

Что касается систематического изучения и преподавания философии как научной дисциплины в нашей стране, то они впервые были начаты в XVII в. в таких церковных учебных заведениях, как Киево-Могилянская коллегия и Московская славяно-греколатинская академия. Одним из пионеров в деле создания отечественного обобщающего курса истории философии был архимандрит Казанского Зилантового монастыря Гавриил (в миру Василий Иванович Воскресенский), бывший до монашеского пострига профессором Казанского университета. Его шеститомный труд «История философии» (Казань, 1837—1840), помимо изложения сведений о развитии европейской философии, содержит в себе первые на русском языке материалы, касающиеся восточной философии, в частности индийской и китайской. Кроме того, в своем сочинении отец Гавриил предпринял первый в отечественной и мировой литературе опыт создания истории русской философии, пытаясь историософски осмыслить особенности русского любомудрия.

Хотя упомянутый труд не был лишен недостатков, на которые указывали еще его современники, для правильного понимания значения этого смелого опыта полезно вспомнить, что создание такого масштабного по степени обзора историко-философского произведения предпринималось нашими соотечественниками считанное число раз. Первым был труд А. И. Галича «История философских систем, по иностранным руководствам составленная. .» в двух книгах (СПб., 1818—1819), завершавшийся Гегелем и Шеллингом. Второй стала работа архимандрита Гавриила. Затем, несмотря на появление большого числа работ русских авторов по многим вопросам философской науки, в том числе и по истории философии, попытка создания систематического обзора всей истории мировой философии не предпринималась в нашей стране вплоть до 40-х годов текущего столетия.

В развитии отечественной историко-философской науки заметную роль сыграли и такие периодические издания Русской Православной Церкви XIX—начала XX в., как «Христианское чтение», «Прибавления к творениям святых отцов» (с 1892 г. — «Богословский вестник»), «Православный собеседник», «Труды Киевской духовной академии», «Вера и разум», на страницах которых были широко представлены труды ученых-философов русских богословских школ.

Обращаясь к значению крещения Руси для философии как таковой, касаясь вопроса о том, каковы были последствия принятия христианства для формирования путей развития русской национальной философской культуры, прежде всего стоит отметить

тот факт, что во всем мире (по крайней мере у неспециалистов) с выражениями «русская философия», «русский философ» ассоциируются в первую очередь такие отечественные мыслители, как Алексей Хомяков, Константин Леонтьев, Федор Достоевский, Владимир Соловьев, Николай Бердяев, священник Павел Флоренский, протоиерей Сергий Булгаков, философские интересы которых концентрировались вокруг проблем религиозно-аксиологических, а в качестве основополагающего критерия в поисках Истины выступало Евангелие Христово, засвидетельствованное опытом Церкви.

У нас в стране сейчас заметно возрос интерес к литературному наследию русских христианских мыслителей различных исторических эпох. Думаю, что участие в его изучении и подготовке соответствующих изданий различных специалистов, в том числе богословов, можно только приветствовать.

ИНТЕРВЬЮ С Н. С. БОРИСОВЫМ Л. Н. ВДОВИНОЙ

В 1987 г. сектор истории философии в СССР Института философии АН СССР подготовил и выпустил в свет монографию «Введение христианства на Руси» (М.: Мысль, 1987), которая получила широкий отклик у специалистов. По просьбе редакции «Историко-философского ежегодника» своими мнениями о вышедшей книге делятся исследователи русского средневековья.

Н. С. Борисов, доцент МГУ: Думаю, что издание этой книги можно считать важным и интересным явлением не только научной, но и культурной жизни. Авторскому коллективу удалось создать во многом новое издание, которое прежде всего отличается широтой постановки проблемы, да и сама тема освещена объемно: показаны и предпосылки введения христианства, и международный аспект этого события, и культурные следствия христианизации.

Уже сейчас видно, что интерес к книге большой еще и по той причине, что у нас мало литературы по истории церкви. Книжный рынок перенасыщен вульгарно-атеистической литературой. Такая литература никому не нужна — она гниет на полках: верующим она не интересна, а запросов интеллигенции она удовлетворить не может. А вот научная, серьезная литература, примером которой является книга «Введение христианства на Руси», нужна, но именно такой литературы еще очень и очень мало. Возрастание спроса на нее — дело вполне естественное.

Долгое время история церкви была непопулярной, во всяком случае среди историков. Исследователи избегали писать об этом. Сюжеты на тему церковной истории трудно было опубликовать. Тут легко можно было сказать что-либо такое, за что можно было получить от собратьев критический отзыв. Только сейчас к изуче-

нию церковной истории начинают подходить серьезно. И это закономерно — ведь церковь была крупнейшим институтом феодальной России и без ее участия не происходило ни одного заметного события в жизни страны. Это совершенно очевидный факт.

Если говорить о слабых сторонах книги, о том, что здесь не реализовано и что могло бы быть реализовано, то меня прежде всего удивляет весьма скромный объем работы. Книга на такую тему, да еще со столь крупно поставленной задачей должна быть по крайней мере раза в три больше. Это позволило бы повысить ее вклад в науку.

Как историку мне наиболее близка и понятна концепция О. М. Рапова, который пишет о исторических реалиях крещения Руси. Его посылка о том, что крещение началось задолго до 80-х годов X в., заслуживает самого серьезного внимания. И потом, автор вполне резонно критикует тезис о сохранении язычества чуть ли не до XX в. Стараясь подчеркивать обилие бытовавшего в прошлом язычества, мы часто не думаем, какой вывод из этого можно сделать. Получается, что всего лишь каких-то 100 лет назад народ был в каком-то полуязыческом состоянии. Сами на себя рисуем карикатуру.

Нельзя не отметить, что книга являет собой хороший пример сотрудничества представителей разных специальностей: философов, историков, литературоведов, которые собрались в этой книге, и результат получился хороший. Мы, к сожалению, очень редко вот так собираемся вместе. Каждый из нас мало знает, чем занимаются его соседи по гуманитарной специальности. А ведь создание комплексных трудов дает возможность и проблему увидеть гораздо шире, так сказать «телескопически». Начатая работа должна иметь продолжение.

В заключение несколько слов о современном звучании книги в контексте современных отношений церкви и государства. Я не думаю, что сейчас происходят какие-то принципиальные изменения и переоценки позиций. Существующие отношения церкви и государства установились с первых лет революции. Другое дело, что мы отходим от вульгарно-социологических оценок деятельности церкви в прошлом и настоящем. Церковь увеличивает свой вклад в борьбу за дело мира, за сохранение духовных ценностей, и в этом отношении наша позиция, позиция науки, должна оставаться научной. Я бы сказал — должна становиться все более и более научной. И в этом смысле «Введение христианства на Руси» — тоже шаг вперед.

Л. Н. Вдовина, ст. науч. сотрудник МГУ: Знаменательная дата 1000-летия введения христианства на Руси обострила «голод» на книги по этой тематике у широкого читателя и неудовлетворенность изученностью многих вопросов у специалистов. Поэтому появление книги «Введение христианства на Руси» явилось как бы давно назревшей необходимостью. Объединение в авторском коллективе историков, философов и филологов, рассматривающих разные аспекты проблемы введения христианства на Руси с учетом

достижений современной науки, дало интересные результаты. Об отдельных главах и о книге в целом можно сказать, что она достойно представляет современный уровень изучения проблемы.

Каждая из глав книги может быть предметом специального обсуждения, а иногда и научного спора. Эта внутренняя дискуссионность (а подчас и несогласованность) существует и между отдельными главами книги. Но важнее другое — взвешенность оценок и понимание сложности, неоднозначности изучаемых процессов и явлений авторами всех разделов книги.

Несомненная заслуга авторского коллектива — стремление показать крещение Руси на широком историческом фоне, в борьбе за религиозное влияние на Русь со стороны стран Востока и Запада (главы А. П. Новосельцева, А. Г. Кузьмина, А. И. Абрамова). Споры о сути принятого Русью вероучения имеют давнюю традицию. Византийская, римская, болгарская и западнославянская версии крещения Руси являются полем не только научных споров. В нашей литературе доминирует традиционная византийская версия: Русь приняла крещение из Византии, русская церковь — преемница византийской. Истоки древнерусского христианства лежат глубже. В книге, о которой идет речь, дается новая, оригинальная разработка западнославянской версии христианизации Руси, которая объясняет своеобразие древнерусского христианства, показывает действительную роль Византии в процессе христианизации (глава А. Г. Кузьмина). Не может остаться не замеченной читателем и разработка хронологии начальных этапов официального крещения Руси, один из запутанных в научной и богословской литературе вопросов (глава О. М. Рапова). Процесс христианизации Руси охватывает несколько веков. Продолжительное время на Руси существовало двоеверие, христианство вынуждено было сосуществовать с язычеством, что не могло не наложить своего отпечатка на духовную жизнь и культуру русского средневековья. Распространение православно-языческого синкретизма «сверху донизу», от княжеско-боярской до крестьянской среды, во многом определило развитие общественного сознания и культуры общества в целом, являясь составной частью как официальной, так и народной культуры (глава В. В. Милькова и Н. Б. Пилюгиной).

Оценивая христианизацию Руси как явление прогрессивное, авторы книги отмечают и отрицательное его воздействие на разные стороны жизни древнерусского общества. Научная обоснованность таких оценок важна в научном и идеологическом планах. В последнее время в некоторых популярных изданиях можно заметить настойчивое желание их авторов приписать христианству чуть ли не создание древнерусской культуры и государственности. «Введение христианства на Руси» помогает разобраться в «псевдонаучности» подобных построений.

Научная общественность, пропагандисты, все интересующиеся отечественной историей получили нужную, интересную книгу. Но получили ли? Книга сразу же стала большой редкостью, только счастливчики стали ее обладателями.